

культурных смыслов — искусство, литература, музыка. Также при организации процесса достижения культурно-духовных целей были созданы и использованы такие универсальные системы, как библиотеки, музеи, система образования, исследовательские лаборатории, что позволяет назвать монастырь институтом культуры. Несмотря на единичность качества духовного опыта, монастырями поддерживается ценность духовно-нравственного идеала, делая институт монашества одним из основных проводников духовного бытия, предоставляя новые границы для социального совершенствования.

Литература

1. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. — М., 1999. — С. 252–273.
2. Святитель Стефан Пермский / под ред. Г. М. Прохорова. — СПб., 1995. — С. 21.

УДК 27-565.73(571.54)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-70-77

ПРАЗДНОВАНИЕ ТРОИЦЫ В С. ОЙМУР КАБАНСКОГО РАЙОНА БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

© **Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова**

ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(ИМБТ СО РАН)

E-mail: zhambalovas@yandex.ru

В статье на основе полевых материалов рассматривается празднование Троицы в реалиях советского предвоенного русского прибайкальского села. Обнаружена его специфика, мотивы, установлена степень соответствия христианским канонам в отсутствие церкви и священнослужителей, выявлена степень понимания мифологического, исторического, символического, практического содержания праздника. Выявлено, что сохраняются ритуальные действия, связанные с березой, символом счастливого дерева и женского начала, покровительницы молодых женщин и девушек. Эти символы возрождения природы и отголоски весенних девичьих гуляний свидетельствуют о сохранении народного пласта праздника. Проведенное исследование позволяет прийти к следующим результатам. В советское атеистическое довоенное время у русских побережья Байкала сохраняется традиция массового празднования Троицы в специфической форме. Атеистический прессинг привел к утрате основных христианских канонов и деформации народных представлений, лежащих в основе Троицы. Сохранившиеся некоторые элементы обычаев народной жизни, связанные с культом растительности и идеей возрождения природы, а также отголоски половозрастных обрядов перехода в следующую возрастную группу представлены довольно аморфно. Степень понимания мифологического, исторического, символического, практического содержания праздника довольно низкая. В то же время сам факт празднования Троицы в этих условиях позволяет считать, что у

русских Бурятии в это сложное время продолжали сохраняться общеславянские и православные традиции. Есть все основания считать, что это были последние годы празднования Троицы в таком общесельском истинно народном масштабе.

Ключевые слова: Бурятия, Байкал, русские, советское довоенное время, атеизм, Троица, православие, народные поверья.

CELEBRATION OF THE TRINITY OYMUR VILLAGE, KABANSKY DISTRICT, THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR

Sesegma Zhambalova

Doctor of History, Associate Professor, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS

The article considers celebration of the Holy Trinity in a small Russian village near Lake Baikal in the Soviet pre-war period. The study has revealed the specifics of the celebration, its motives, has set the degree of compliance to the Christian canons in the absence of the church and clergy, has revealed the degree of understanding of mythological, historical, symbolic and practical content of the holiday. It has been revealed that rituals associated with birch, the symbol of happy tree and feminine, female patron saint of young women and girls had been saved. These symbols of the rebirth of nature and the echoes of spring girls' festivals have been reflecting preservation of folk stratum of the holiday. The study enables us to come to the following results. Russians, living on the coast of Lake Baikal in the pre-war Soviet atheistic time, had managed to keep the tradition of mass celebration of the Holy Trinity in a specific form. The atheistic pressure had led to the loss of basic Christian canons and had strained folk concepts underlying the Trinity. Some retaining elements of folk customs associated with the cult of vegetation and the idea of the rebirth of nature as well as the echoes of age-sex rites of passage into the next age group have been preserved rather amorphous. The degree of understanding of mythological, historical, symbolic and practical content of the Feast is quite low. At the same time, the very fact of the celebration of the Holy Trinity in these conditions suggests that the Russians of Buryatia persisted Common Slavonic and Orthodox traditions in this difficult time. There is every reason to believe that these were the last celebrations of the Holy Trinity in such truly national scale.

Keywords: Buryatia, Baikal, Russian, Soviet pre-war period, atheism, Trinity, Orthodoxy, folk beliefs.

Данная статья, посвященная празднованию Троицы в с. Оймур, продолжает серию работ о традициях народного православия у русских Бурятии в советское предвоенное время. К настоящему времени опубликованы две статьи: «Специфика религиозной самоидентификации православных у русских побережья Байкала» [2] и «Праздник всех праздников у русских побережья Байкала в советское довоенное время» [1]. В них имеются необходимые общие данные о формировании группы русского населения Сибири и, в частности, Прибайкалья, а также статистические данные Оймурской сельской адми-

нистрации Кабанского района Республики Бурятия, где в 2004 г. собраны полевые материалы.

Глубинные интервью, зафиксированные в с. Оймур во время полевой работы в 2004 г. и опубликованные в 2010 г., являются достоверными источниками для исследования празднования Троицы, как одного из ярких проявлений народного православия в условиях советского атеистического государства. Сам факт празднования Троицы в то время — важное свидетельство бытования православных традиций в провинциальном пространстве СССР.

Для проведения сравнительного анализа необходимо привести модель канонической формы празднования Троицы. Как известно, День Святой Троицы или Пятидесятница в честь Пресвятой Троицы — один из главных христианских праздников, отмечаемый на 50-й день после Пасхи. Это один из двенадцатых праздников, когда в церквях после Божественной литургии совершается вечерня в память сошествия на святых апостолов Духа Утешителя, читаются молитвы о даровании благодати Духа Святого всем присутствующим, а также прежде усопшим отцам и братьям. Православные христиане по обычаю украшают дома и храмы зелеными веточками березы, цветами. Эта традиция соблюдается в память дня, когда Моисей получал скрижали закона, а в это время при Синайской горе все зеленело и цвело, поэтому в Троицу дома и синагоги украшались зеленью. Сионская горница, где на апостолов сошел Святой Дух, также была украшена ветвями деревьев и цветами. В праздник Троицы вспоминают и явление Аврааму Троицы в Мамврийской дубраве. Цветущие ветви напоминают о том, что под действием благодати Божией человеческие души расцветают плодами добродетелей [5].

Троицей праздник называется из-за того, что в сошествии Святого Духа проявляется полнота Божества (Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой). Вся неделя посвящена Святому Духу, как пасхальная — Сыну Божию. В христианстве пасхальные яйца символизируют кровь Христа и его Воскресение, поэтому яйцо — символ Пасхи. В троицкие праздники к трапезе подают блюда из яиц, особенно яичницу. Кроме того, готовят поминальную кутью, блины, пироги, кисель, всевозможные пирожные к чаю. В Троицкой обрядности главная роль отводилась березке, гуляли весело и шумно в лесах и рощах. В деревнях с утра пекли караваи, созывали друзей, для которых уже были сплетены венки из цветов и березы. А после обеда начиналось гулянье молодежи. На следующий день, в понедельник, выпадал новый праздник — День Святого Духа или Духов день, с которого, как принято считать в народе, и наступало настоящее теплое лето [6].

В советское довоенное атеистическое время церковь в с. Оймур была уже закрыта, священников не было. Полевые материалы тем не менее предоставляют убедительные картины празднования Троицы на протяжении десятилетий в глухом селе, которое, даже по меркам Бурят-Монгольской АССР, располагалось в удаленном и изолированном месте на побережье Байкала. Достоверные рассказы записаны нами у жительниц села 1920–1930-х годов рождения, которые вспоминают реалии из собственной биографии — в отрочестве и юности все они наравне с другими православными праздниками так или иначе праздновали Троицу.

Наиболее информативным представляется рассказ Сосниной (Англичановой) Анны Иннокентьевны, 1933 г. р., родившейся в с. Оймур, «крещенной в Кударинской церкви, так как Оймурской церкви уже не было, верующей». Представляем запись этой устной истории: «Раньше в Троицу браво гуляли, в лес ходили, на Байкале купались, если было тепло. Березку завивали. Березку срубят, нарядят ее в ленты и во все и ходят с ней, гуляют, таскают ее по домам. В заборы, заплоты сколько натолкано березовых листьев-то. Это же Троица! Березку срежем, поставим, привязываем к ней ленты, другие украшения, у кого что есть. Это в лесу происходит. А потом нарядную ее несем в село. К кому-нибудь занесем, в ограде поставим, поем, пляшем. А потом купаем ее, если тихо, на море, а нет, так в речке, и так она уйдет, уплывет. Значения не знаем. Это же Троица! *читает*: «Скоро, скоро Троица, зеленый лес покроется. Скоро миленький приедет, сердце успокоится!»). Мы — это девчонки. Мы на Низовской гуляли одни девчонки, а родители отдельно гуляют. В Низовской стороне много девчонок было. В Троицу обязательно яйца едят почему-то. В этот день яйца едят вареные и в виде яишницы. Яйца разобьют, молока добавят, взобьют. Раньше это была яишня, теперь — омлет. Дома родители приготовят все, картошечки отварят, яичек, в бутылках чай дадут. Из дому возьмем и все. Там в лесу не готовили мы» [3, с. 68].

Это свидетельство подтверждается фрагментами глубинных интервью других женщин, родившихся в более раннее время. Черкашина Аграфена Даниловна, 1918 г. р., сообщает: «Родители празднуют, и мы празднуем Рождество Христово, Пасху Христову, Троицу, Иванов день (Иван Купала) празднуем. Сейчас старухи соберемся. Праздников Иванов в год много. Троица. Мы маленькие были, притащим березняков, на крыльцо, на ворота, везде навесим. Праздник. Купались. Раньше девки березку завивали, так лентов навесят и тащат ее в речку купать. Старина. Яйца кушали да творог, коровы доились. В Троицу яйца вареные ели, поросенка жарили» [3, с. 31, 32].

Шклярук (Темникова) Мария Ивановна, 1918 г. р., русская, «родилась в с. Оймур, крещенная в Оймурской церкви, верующая, пятьдесят лет прожила в Улан-Удэ, работала финансовым работником», сейчас проживает в с. Энхэлук Кабанского р-на Республики Бурятия, и ее сестра Карнышева (Темникова) Ксения Ивановна, 1922 г. р., родившаяся и проживающая в с. Оймур, рассказали: «Троица. Раньше завивали березку, ленты. Девушки, парни шли в лес. Березку тащишь по всей деревне в лес прямо. Яйца там, гулянья. Яйца варили там, еду, там ели. Я-то маленькая была, помню, везде березки маленькие натыканы, на крыльце, в сенях, на воротах, на заборах — везде. Украшали зеленью. «Пресвятая Троица — Бог Вседержитель, Иисус Христос и Дух Святой. <...>» — я все время читала» [3, с. 33, 46].

Домнина (Быкова), Евдокия Федотовна 1921 г. р., родилась в с. Дулан, «русская или карымка, не знаю (мать русская, а у отца прадедушка или кто-то бурят), крещенная в Оймуре, наверно, верующая, в церковь путем не хожу. В Селенге, в поселке Селенгинск, есть церковь, иногда туда хожу». Она говорит: «Троица — в наши года молодые в лес ходили. Березку завивали раньше, а теперь нет. В ворота березку втыкали. Что надо в Троицу обязательно? Что

есть, то и ели. Всю жизнь прожили, в церкви не бывали, откуда мы что знаем» [3, с. 30–31].

Приведенные полевые материалы показывают довольно широкие для атеистического времени хронологические рамки бытования празднования Троицы — с середины 1920-х гг. до самого начала Великой Отечественной войны. Этот, на первый взгляд, короткий период, чуть более или менее четверти века, на самом деле был революционным для сельских жителей страны: ломка крестьянского хозяйства, удар по православной культуре и исконно народной ментальности, создание нового образа жизни, изменение повседневности и праздничного календаря. За это время традиционный быт русского сибирского крестьянства был подвергнут трансформациям в результате воинствующего атеизма, коллективизации, которая началась 27 декабря 1929 г., раскулачивания, индустриализации, также в той или иной мере повлиявшей на жизнь сельского населения. Несмотря на глобальные исторические перемены, как видно из материалов, празднование Троицы во все это время не пресекалось.

Мы располагаем данными для сравнительного анализа празднования Троицы разными этноконфессиональными группами русских Бурятии. Во время нашей полевой работы в с. Оймур Кабанского р-на РБ там проживала представительница старообрядцев Бурятии Черниговская (Куренкова) Агния Максимовна, «1926 г. р., родилась в МНР (Монголия), в с. Хондон, русская, крещеная, крестили через неделю после рождения, это теперь взрослых крестят, семейская. <...> В 1914 г. родители уехали [в Монголию] частично от голода, частично от банды Семенова. Он туда не мог прийти. А родители жили в Окино-Ключах Бичурского района. По-нашему, эмигрировали. А тогда просто уехали через границу. Граница была открытая, кто желает, пускай переезжает. Праздники праздновали хорошо. Никто там не работал в праздники. Это было строго запрещено. Троицу хорошо помню. На Троицу дети ходили, близко же, в лес, шалаши строили. Там заросли черемухи были. В этих зарослях шалаш. В шалаше отдыхали. Костер был за шалашом. А на костре жарили на сковородке на сале яичницу, как и везде у русских. Сковороду носили с собой. В Оймуре яйцо варили, так муж мой говорит. Яйца набьют в крынку, молоко дольют, это яишня, сегодня это называют омлетом. Глазунью мы не делали» [3, с. 54, 59].

Как видно, здесь речь идет о старообрядцах, мигрировавших в приграничные с СССР районы Монголии, которые на новом месте продолжали вести привычный традиционный образ жизни. Заметно, что в рассказе отсутствует упоминание о роли девушек в праздновании Троицы, нет упоминания о традиции завивания березы. Это может быть результатом как нашей некоторой недоработки при сборе полевых материалов, так и слабой памяти информанта, а, возможно, в Монголии на новом месте проживания не было березовой рощи, поэтому не случайно речь идет о праздновании в черемушнике. В этом нет ничего из ряда вон выходящего, известны случаи использования в качестве символа зеленой животворящей силы других деревьев кроме березы (дуба, клена и т. д.). Материалы по празднованию Троицы в с. Оймур выявляют редуцированную форму праздника, в которой заметно отсутствие рели-

гиозной составляющей. В то же время мы видим многие обязательные элементы троицкого праздника. Главные стержни праздника в русском прибайкальском селе — завивание девочками березы, ее купание в водной стихии, поедание яиц. Видимо, главными действующими лицами праздника Троицы в советское время были девочки, они играли здесь важную роль. А по каноническим правилам она принадлежала девушкам на выданье. Связано это было в определенной степени с социализацией девушек на выданье, с магическими действиями, способствующими обретению благополучной семейной жизни. Известно, что традиционно девушки по зову бабки-созывалки шли на гульбище в рощу водить хоровод, а юноши — высматривать невест. В роще каждая девушка раскладывала скатерть, а на ней каравай, украшенный венком. Для будущей брачной жизни большое значение имели все три составляющие — троицкий каравай, скатерть и венок, их использовали в последующих обрядах и обычаях, связанных со сватовством и свадьбой. Скатерть использовали в магических целях на смотринах — ею тайно застилали стол под другой, верхней скатертью. Так приковывали суженого. Каравай засушивали и хранили до свадьбы, чтоб замешать в свадебный каравай на счастье и любовь молодых. Венок можно было тайно передать возлюбленному в качестве вестника брачного обета. В Троицын день девушки «развивали березки», а вечером шли к реке бросать венки в воду [6].

Мы видим, что по некоторым причинам, среди которых, наверно, и наша недоработка, а, возможно, незнание информантов, определенные принципиальные компоненты праздника не отражены в полевых материалах или не соответствуют канону.

В первую очередь, это участие в обрядах девочек. Возможно, девушки соответствующего возраста из-за некоторой политизированности (комсомолки) не могли открыто праздновать Троицу, поэтому их роль исполняют девочки. Родители сами отправляли девочек в лес для гулянья. Их матери и бабушки обучали порядку обрядовых действий в этот сакральный день: в лесу срезать березку, нарядить ее, потом пронести по селу и отправить по воде. Во вторую очередь, в материалах нет данных о магических ритуалах приворачивания жениха, нет темы смотрин, что вполне естественно — в лесу праздновали девочки. Социально значимым в традиционном обществе представлялся переход девушки в разряд засватанной невесты, предваряющий свадьбу и замужество. Возможно, в троицких девчоночьих праздниках в с. Оймур прослеживается перевод девочек-подростков в возрастную группу девушек-невест. Хотя по народным правилам этот важный социальный обычай был связан с весенним обрядом крещения кукушки [4, с. 600–601].

Все это позволяет считать, что в праздновании Троицы в советское предвоенное время на первый план выступают не православные, а другие, не менее известные составляющие празднеств Семика-Троицы, а конкретно — ритуалы, связанные с культом растительности, девичьи гулянья. Известно, что «семик в XIX в. был преимущественно девичьим гуляньем: девушки наряжались и с запасом яиц, лепешек и другой еды отправлялись завивать венки на березах и кумиться» [4, с. 603]. Именно эти первоначальные идеи, которые инкорпорировало православие, сохраняется в народном гулянье в

атеистическое советское время, хотя народом они осмысляются не как семицкие, а как троицкие, так как представление о них утрачено.

Известно, что празднование Троицы стало примером редкого единения христианской идеи с обычаями народной жизни, оно совпало с древними семицкими празднествами. Первая часть ритуальных действий Семицкой недели связана с поминовением умерших не своей, а «напрасною» смертью, погибших без причастия и поминовения [4, с. 602–603]. Опрошенные нами информанты из с. Оймур имеют весьма слабое представление о семике. Они знают, что в семик удавленников, утопленников поминуют, их на общем кладбище не хоронят [3, с. 32, 35]. Вероятно, это связано с известным обстоятельством, что в течение столетий древние обряды семицкой недели постепенно переносились на Троицу. В одних местах этот процесс к XIX в. полностью завершился: Троица впитала в себя всю обрядность Семика. В других — обрядовые действия раскладывались на Семик и Троицу. Бурятия, видимо, относится к ареалу, где Семик особо не вычленяется из празднования Троицы. Сохранение семицкой ритуальной части поминовения умерших не своей смертью обусловлено тем, что русские побережья Байкала активно занимаются наряду с земледелием и скотоводством рыболовством на Байкале, сопряженном с высокой вероятностью смертельной опасности.

Из материалов видно, что в празднестве первой половины XX в. довольно полно сохраняются ритуальные действия, связанные с березой, счастливым деревом, приносящим добро, оберегающее от зла, нечистой силы, изгоняющее болезни. Береза символизировала женское начало, считалась покровительницей девушек и молодых женщин, Троица осмыслялась как праздник девушек и женщин, поэтому в празднике Троицы в советское время важным является гулянье девочек. Немаловажное значение в русской сибирской деревне имеет тема возрождения природы после зимы, ее чествование. Считается, что культ растительности принял особенно яркие формы в деревнях центральной и южной частей Европейской России, а также в Сибири.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие результаты. В советское довоенное время у русских побережья Байкала, а именно в с. Оймур Кабанского р-на Республики Бурятия, несмотря на государственную атеистическую идеологию сохраняется традиция массового празднования Троицы, в котором, на наш взгляд, сконцентрированы элементы и символы нескольких весенних девичьих и женских праздников, поэтому специальное внимание уделяется празднованию девочек. Отсутствие церкви и пастырей привело к отходу от христианских канонов. Зато в празднике сохраняются некоторые элементы забытого праздника Семика и обычаев народной жизни, связанные с культом растительности и идеей возрождения природы. Сохранены также некоторые элементы половозрастных обрядов, связанных с переходом в следующую возрастную группу. Известно, что в Троицу завершались весенние девичьи и женские праздники, начинавшиеся со дня весеннего равноденствия. Информанты, праздновавшие Троицу в подростковом возрасте, не объясняют смысл ри-

туальных действий с березой, с гуляньем в лесу и т. д., что может свидетельствовать о слабом представлении мифологического, исторического, символического содержания праздника. Тем не менее это не мешает прийти к выводу о том, что в русской прибайкальской деревне в атеистическое время сохранились общеславянские и православные традиции.

Литература

1. Жамбалова С. Г. Праздник всех праздников у русских побережья Байкала в советское довоенное время // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — 2011. — № 2. — С. 119–131.
2. Жамбалова С. Г. Специфика религиозной самоидентификации православных русских побережья Байкала // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. — 2012. — № 1(8) — С. 226–234.
3. Жамбалова С. Г., Игауэ Н. Калейдоскоп: этнографические картинки XX — начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. — 412 с.
4. Русские: история и этнография. — М.: АСТ: Олимп, 2008. — 751 с.
5. Троица — День Святой Троицы, Пятидесятница [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.calend.ru/holidays/0/0/185/> (дата обращения: 05.01.2015).
6. Троица — 2015 (Пятидесятница). Троицкий стол [Электронный ресурс]. — URL: [supercook.ru / 700-гpk-12.html/](http://supercook.ru/700-гpk-12.html/) (дата обращения: 14.01.2015).

УДК 27-558.3(=512.31)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-77-83

КРЕЩЕНИЕ БУРЯТ ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ СТЕПНЫХ ДУМ

© **Татьяна Ефремовна Санжиева**

доктор исторических наук, профессор, Бурятский государственный университет

E-mail: sanj_te@mail.ru

В статье рассмотрено распространение христианства среди титульных народов Прибайкалья. В ней использованы материалы фондов Кудинской, Ольхонской, Баргузинской и Кударинской степных дум, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия. В статье приведены статистические данные принятия православия бурятами, некоторые документы фондов, связанные с крещением бурят. В материалах делопроизводства степных дум есть предписания администрации по вопросам распространения православия и ответы степных дум на них, некоторые из них процитированы. В статье приведены сведения об изменении хозяйственно-бытового уклада крещеных бурят, особенно тех, кто принимал оседлость и селился в специальном поселении, а также о номинальности принятия христианства бурятами.

Ключевые слова: фонды степных дум, христианство, крещение бурят, численность крещеных.